
Даша Благова

Расскажите мне о змеях

Рассказ

Я бронирую переговорку, чтобы пережить это. То, что появляется внизу живота. Сначала это — как одна змея, скользкая и шершавая. Она размножается. Очень быстро, сама по себе, опутывает себя другими змеями. Сперва потихоньку, потом смелее, эти змеи кусают мой кишечник, желудок. Пухнут и жиреют, пожрав моей крови. Трахаются друг с другом и рожают новых змеенышей. Закрываю дверь переговорки нашего модно-московского бизнес-центра на замок и ложусь на пол. За непрозрачной дверью — офисное шебуршание. Кто-то открывает вино, потому что пятница и скороновыйгод. Змеи откусывают кусок печени. Я сжимаюсь и давлю лбом в колени. Змеи начинают обвивать собой селезенку и легкие. Скоро все органы пляшут, скручиваются, кричат. Я знаю, *что* сейчас будет. Уже начинается. Дыхание дробится — быстро-быстро, как свежая морковь под острым ножом. Пошел звук. Из желудка, через горло, наружу. Всхлипывания, взбулькивания, я задыхаюсь. Дыхание есть, но нет кислорода. Слезы.

Через пятьдесят минут последняя змея выползает через рот. Внутри становится пусто, нет совсем ничего. Мышцы, кожа, кости железные. Тело распрямляется, я растекаюсь по полу. Поворачиваю голову и смотрю на тараканисто-рыжий кирпич, из него сложен наш модно-московский офис, который раньше был мануфактурой, где мучились рабочие, зарабатывая гроши и артрит. Рука не моя, но я царапаю ею камень. Я пустая. В кармане вибрирует телефон. Это тетя. Алло? Сашенька, ты можешь говорить? Угу. Слушай, я не знаю, что делать, с мамой твоей что-то не то. А что такое? Она какая-то агрессивная. Что делает? Прогоняет из палаты, обзывается, кинула в меня бутылкой сегодня. После капельниц? Да, после капельниц. А, ну не расстраивайся, тетя, в прошлый раз тоже так было, это пройдет, когда ее выпишут.

* * *

В прошлый раз все началось так. У нас с мамой был хороший день, вторая половина декабря, мы ходили на рынок, чтобы докупить подарки. Пришли домой, разложили диван и накрылись пледом. Телевизор не включали, потому что болтали. Я сказала ей, что в последнее время стала бояться будущего. Дочь, а ты не бойся, будущее к тебе доброе, мы с тобой вместе туда пойдём. Я бы не хотела расти, мне так хорошо под пледом. Плед никуда не денется, а расти интересно, честное слово.

Даша Благова родилась в городе Минеральные Воды, училась на журфаке МГУ, работала редактором в «Афиша Daily», публиковалась в журнале «Прочтение», литературно-художественном альманахе «Артикуляция» и др. Первая толстожурнальная публикация.

Потом пришел папа, мы ужинали. Обсуждали, что на Новый год придут друзья, а их сын — как раз мой лучший друг. Будем играть в фанты. Когда мама укладывала меня спать, мы почему-то снова говорили о взрослении. Она сказала, что это странно, что в мои тринадцать у меня до сих пор нет месячных, но ничего, проконсультируемся с врачом после праздников (я уже все знала про месячные, мне рассказала о них мама, так же, как и о сексе, ориентации и многом другом взрослом).

В то утро, которое было после того хорошего дня и хорошего вечера, я проснулась сама, хотя меня всегда будила мама. Папина половина дивана была пустой и смятой в одеяльное гнездо. Мама свесилась со своей половины и смотрела в таз. Внутри была жидкость, желтая, с кусками. Я села рядом с мамой: «Сейчас я это вылью». Встала, но она схватила меня за руку: «Не надо, я сама». Мама перенесла ноги с дивана на пол. Оттолкнулась, но диван притянул ее обратно: «Нет, я не могу». Я взяла таз, вылила, сполоснула, вернула. Мама наклонилась, из нее полилось — густое, с кусками. Я позвонила папе на его первый тогда еще мобильник, он ответил, сказал, что в часе езды от нас, в другом городе, за горой. Скоро будет. Мама уже лежала, ее рот, красивый, гладкий, как чершня, стал расползаться вправо, как будто был сшит нитью, за которую сейчас кто-то потянул. Я позвонила в «скорую».

«Скорая» приезжала четыре раза. Четыре раза. Первый, пузатый, в синей форме и с чемоданом сказал: «Напилась. Отравилась». Вколол ей что-то. Вторая, мелкая, как третьеклассница, сказала: «Да съела что-то не то, надо желудок промыть». Я позвонила папе, чтобы спросить, где он. Он ехал в реанимацию — договариваться. Третья была высокой. «Девочка, где папа? Что вы нас дергаете?» Тоже что-то вколола. Четвертый был тот же, который был и первым. «Ну куда я ее повезу? В вырезвитель?» Мама не разговаривала. Вообще. Мычала и иногда открывала глаза. Папа договорился. По стоимости это было как телевизор, который мы тогда не могли себе позволить. Ее забрали в реанимацию, мы с папой стояли в приемном покое. Вышел молодой, крепкий, какой-то «зав» или «зам». «Ты умница, — это он сказал мне. — Еще десять минут — и все. У мамы твоей инсульт, кровь в мозжечке. Иди, посмотри телевизор, я поговорю с папой».

* * *

Проходит три дня, я снова бронирую переговорку на пять вечера, потому что в полпятого рождается первая змея, я ее чувствую. Мой муж про это знает, он сам видел. Когда я прихожу домой, бывает то же самое, но длится часа два или три. Он все время рядом. Змеи выплываются. Он их не видит, но знает, что они там. Я выплываю змей почти два часа подряд, муж обнимает, он рядом. Потом мы решаем называть это «истерикой», для простоты. Пьем чай. Он спрашивает, как там мама. Я отвечаю, что хорошо, слава богу, это уже точно не инсульт, просто криз, еще две недели — и выпишут.

Утром я встаю с кровати и чувствую, что правая часть тела как будто висит. Мне больно. По венам и нервам справа бегают муравьи с острыми палками в лапках. С левой стороны все нормально. Это не проходит днем, на работе. Мне звонит бабушка, держу телефон левой рукой. У мамы твоей галлюцинации, я так переживаю, у меня сердце болит, я задыхаюсь, успокой меня, пожалуйста. Я успокаиваю ее, где-то полчаса успокаиваю. Телефон дрожит постоянно, это мне пишут по работе. Кладу трубку, — правая часть тела болит сильнее, теперь ее как будто обтерли спиртом и подожгли. Но я не чувствую змей. Ни одной. Даже змеино яйцо. Я не бронирую переговорку, заканчиваю работу и еду на такси домой. Не уверена, что дойду до метро. Правая нога тащится за левой. Ничего не говорю мужу, он же заставит идти к врачу, а я туда не ходок.

* * *

Я ненавижу больницы, потому что это худшие места, худшие места из всех мест, и стали они для меня такими с тех самых пор, когда я зашла в палату на следующий

день и увидела ее. Это была отдельная палата, потому что ее называли «тяжелой», еще там стояла пустая кровать для родственников. Был понедельник, я решила не ходить в школу. Пришла одна, села на кровать для родственников и стала смотреть. Она была тряпчатой, белой, с закрытыми глазами, вся в каких-то трубках, правая рука на одеяле, оттуда торчит иголка, из-под иголки разливается синее. Я не хотела смотреть, но смотрела. Она была не похожа на маму, маму, которая обожает свою работу в туристическом бюро, пьет с подружками вино и поет песни, ругается с классухой в школе. На кровати лежал предмет, принадлежавший маме, но не она сама.

На следующий день я пошла в школу. У меня не взяли рабочую тетрадь. Ни одна из учительниц. То есть они шли по рядам, собирали тетради у всех, а меня как будто не было. Лермонтов со стены смотрел теперь не грустно. А как-то осуждающе. Лермонтов у нас на Кавказе висел в каждом классе, даже математическом. Друг Дима принес мне шоколадку. Я подошла к классной руководительнице, она всегда была доброй, подвижной и водила нас в горы. «Жанна Сергеевна, а что такое insult?» Она растерялась, это было видно, глаза ее прыгали с Лермонтова на классный компьютер. «Сашенька, я наверняка не знаю, лучше спроси у папы». Она сказала, что не знает, но было видно, что все-то она знает.

После школы я шла к ней в палату. Делала там уроки. Тетрадь неудобно лежала на коленках, и в конце страницы буквы раскручивались и становились, как крупная пружина. Потом я шла домой. Дома был срач, настоящий срач, валялось сразу все, из раковины пахло тухлым. Папа не умел убирать в квартире, я тем более, раньше у нас все делала мама, потому что папина работа и моя учеба считались чем-то более важным, чем мамино время. Папа пришел раньше и уже поставил в духовку мясо по-посольски. Он умел готовить только это и готовил по праздникам. Мне не хотелось есть праздничное, но в принципе есть хотелось. Я не стала ничего спрашивать у папы, потому что видела, как он плакал в первый день. Папа не знал, что я видела. Так что мы ели мясо и не говорили. Папа никогда не плакал, а тогда плакал, вдруг и сейчас захочет заплакать, хотя не хочет, чтобы я видела? Тем более что он включил телевизор. Глушитель любых семейных драм. Раковина уже выблевывает грязную посуду. Кто же ее будет мыть?

* * *

Снова пятница. Я редактирую текст левой рукой. Интервью с врачом-гинекологом. Это даже не так печально, как обычно, тут про деторождение, интересно. Вообще-то, у меня самый невеселый раздел на сайте, но его читают лучше всего, люди зачем-то любят немножко пострадать над чужой историей. Вчера я говорила с мамой, она сказала «ни в коем случае не приезжать», и я, овладевшая новой этикой, которая, конечно, совсем не новая, решила, что буду уважать ее желания и границы.

Теперь выходные. Боже, как болит рука. У нас уборка, он моет посуду и плиту, я иду мыть ванную. Тру левой рукой унитаз, хотя это очень неудобно, я же правша. Муж зовет меня: у него хорошее настроение, веселое, он хочет украсить квартиру и просит меня подержать гирлянду, пока сам будет приклеивать ее к стене бумажным скотчем. Сначала держу, потом правая рука падает: она не роняется на пол только потому, что прикреплена к плечу. Теперь я не чувствую еще и правую ногу. Она повисает на бедре. Валюсь на стену. Он хватает меня, относит на диван, кладет. Садится рядом на корточки: «Рассказывай».

* * *

Я была с ней, в палате, когда она впервые заговорила. «Саша...» Я подскочила, тетрадка сползла на пол, пролетела по полу прямо к утке, которая для мочи. Я села на ее кровать так, чтобы не задеть трубку. Смотрела в ее глаза. У мамы были зеленые, у нее теперь муть. «Вы сделали прививку Моте?» Это была наша собака. Конечно, не сделали, но я сказала, что сделали. Она закрыла глаза, вроде уснула. Я вернулась на

свою кровать, я ее называла уже своей. Не взяла тетрадку, а смотрела на нее. Пришла медсестра, убрала капельницу. Потом ввалилась бабушка с пакетами, она кормила ее с ложки. Ввалилась, зашелестела, стало громко, шумно, все это натолкалось мне в уши, вбило страх в кости и кожу. Бабушка стала говорить какое-то сю-сю, мусю, ой-ой, гладить ее. Потом увидела меня. Из ее рта вырвалось, ударило: «Ты чего здесь? Ну-ка быстро домой, быстро, скоро стемнеет».

Дома я сварила макароны, они пригорели к кастрюле: я не знала, что надо их помешивать. Спилела ложкой верхнюю часть. Нашла в холодильнике майонез. Все перемешала. Съела. Папа приехал позже, вместе с тетей, маминной сестрой, нервной и доброй. Они появились в прихожей с кучей пакетов, в которых была тетина еда: суп, пюре, котлеты, овощи, соленые огурцы, что-то еще. Пока папа запикивал все в холодильник, я позвала тетю в свою комнату. Сказала: «Теть, а этот инсульт, он что значит?» До этого она была скорее доброй, а после моего вопроса совершенно точно стала нервной. «Я откуда знаю? Ничего не значит, не забивай себе голову».

Теперь я заводила будильник, от которого у меня болела голова. Я проснулась, чтобы идти в школу, зашла в гостиную, которая с диваном для родителей, он теперь всегда был разложен, там валялась подушка и одеяльный ком, а простыни не было. Папа сидел на этом диване и улыбался так, что было видно: он совсем не хочет улыбаться. За диваном стояла елка, большая, уже в ведре с песком, совсем голая. «Будем наряжать, вечером или, может, завтра», — сказал папа. Оказалось, второе, что произнесла мама, было: «У ребенка должен быть праздник».

* * *

Муж записывает меня к неврологу и идет со мной, но в кабинет, конечно, не заходит. В кабинете появляется змея и сразу начинает жрать желудок, не робко, как это бывает обычно, а сразу жадно, много, болуче. Рожает еще змею. Врач просит меня встать. Закрыть глаза, дотронуться до носа левой рукой и правой. Правой не очень получается. Стучит молоточком. Просит нарисовать часы. Еще о чем-то просит. Еще что-то делает.

Змей уже сотня, но я не могу вот так лечь на пол, зарыдать. Врач говорит, что, к сожалению, только это пока, конечно, неточно, но вероятность есть, в общем, вы не волнуйтесь, но, возможно, у вас рассеянный склероз. Я, конечно, знаю, что это, что это страшно и неизлечимо, но меня беспокоят только змеи. Беру направление на МРТ, еще куда-то и еще, выбегаю из кабинета, потом на улицу, прямо в бахилах, муж бежит за мной. Мы садимся на лавочку, и из меня начинают лезть мои змеи. Я рыдаю. Истерика. Мы теперь это так называем. Я успокаиваюсь и просто часто дышу. Лицо обсыхает, чувствую, что коже холодно, она будто трескается. «Знаешь что? У меня больше ничего не болит, — говорю я. — После истерик никогда не болит». Муж отвечает (он гладит меня по спине): «Странно. Наверное, это все нервы, да?» Я слышу его слова, но чувствую, что он очень далеко. Смотрю на улицу, едет трамвай, но едет он по другой планете. Я под стеклом. Опять. Блять.

* * *

Впервые я это почувствовала, когда пришла к бабушке, был пятый день после инсульта. Бабушка ругалась. Резала слова, как она это делала обычно, и бросала мне их в лицо. Кофта с пятном, как же так, ты же взрослая, ты же девочка, ты должна следить за собой, ты что, так в школу ходишь? на уроки? и тебе нормально? ты меня позоришь! Вот тогда меня впервые и накрыло стеклом. Я сначала не совсем поняла, что происходит. Потому что вот я, стою. Но ноги не на полу. Вот я, дышу, но воздуха не чувствую. Говорю что-то, но оно бьется о стекло и возвращается ко мне. Вижу картину с горным пейзажем, но она не зелено-синяя, а серо-серая.

Я пошла к дедушке в комнату и не почувствовала в себе мышц. Дедушка меня не ругал, он жалел. Я села рядом с ним, на диванчик, позади нас — пыльный ковер с

фазаном. «Маленькая, ты чего?» — он всегда называл меня «маленькой». «Скажи, что будет с мамой?» — «Все будет хорошо, маленькая». — «Что такое инсульт?» Дедушка включил телевизор.

Стекло не исчезло, не разбилось и не растрескалось даже утром. Я видела класс, столовую, но для меня — что булочка с изюмом, что пицца с колбасой. Я так ничего и не купила. Тем более что голод тоже был не у меня, а у кого-то другого, очень далеко, возможно, не в этой вселенной. «А ты знаешь, что такое инсульт?» — это я спросила друга. «Не-а».

* * *

Проходит Новый год, мы приезжаем на праздники к моим родителям на Кавказ, скрываем от них все, возвращаемся в Москву. Идут месяцы. Я делаю МРТ, КТ, электромиографию, кучу всего, но все нормально, никакого рассеянного склероза. Мама звонит мне каждый день, чувствует, что-то не так, но я молчу. Слушаю, как она ходит в театр, кино, встречается с подругами, я за нее радуюсь и не хочу, чтобы она переставала радоваться, потому и молчу.

* * *

Я впервые закурила, когда мне было тринадцать. За неделю до Нового года. Больница, где лежала мама, была недалеко от школы, где училась я. Я знала, где старшеклассники берут сигареты. Купила одну штуку и зажигалку. Зашла в чужой двор. Подошла к сигарете. Фу, во рту как будто горит автомобильная шина, но как будто не в моем рту.

Мне нравится. Потому что хочется делать плохое, потому что хочется что-нибудь испортить, например, себя. Мне тринадцать. У меня не было ни сисек, ни месячных. Я выглядела младше всех. Я была круглой отличницей. Пепел упал на ладонь, стало больно. Ой. Стекло треснуло. Я увидела, что кирпич красный, все остальное пока было серым. Я закатала рукав куртки. Кожа на сгибе руки такая нежная. Я вдавливаю в нее сигарету. Становится очень больно. Поднимаю голову. Все такое яркое. Небо синее. Стекло даже не рассыпалось, оно как будто никогда и не существовало. Все ясно. Я все чувствую. Горелая шина во рту стала совсем мерзкой. Я решила, что больше не буду курить.

* * *

Я не могу встать с кровати по полчаса. Не могу развести ноги в стороны. Я просыпаюсь железной и в некоторых местах ржавой. Врачи пинают меня и допинывают до научно-исследовательского института, который изучает ревматологию. Я иду одна, прошу мужа не ходить со мной, боюсь ему надоесть. Врачей много, они смотрят на пленки, суют в компьютер диски, собираются кучками. И в конце концов говорят: у вас аутоиммунное заболевание, оно не лечится, ваши суставы медленно превращаются в кости, сначала тазобедренные, потом колени, пейте обезболивающее, рецепт даже не нужен, два раза в день пейте, а потом приходите к нам с новыми МРТ, через полгода. Выхожу на улицу, звоню мужу, говорю: «Мне сказали, что это болезнь Бехтерева, и суставы мои превращаются в кости. Ну, и хрен с ними, да?»

* * *

За неделю до нового года врач сказал, что «вашу маму никуда не выпишут», значит, придется ей смотреть на фейерверки из палаты. Я пришла к ней, как всегда, после уроков. Она уже вставала, хотя писала пока только в утку. Ну, как вставала: вставала, держалась за стенку, но никуда не шла. Когда я открыла дверь палаты, она снова стояла, из руки росла ветка капельницы. Я подошла, чтобы обнять ее. Она толкнула меня другой рукой. Я посмотрела ей в глаза, мне показалось, что зрачки были красные, хотя это, конечно, только показалось. Она стала кричать чужим голосом, не маминым, мамин голос не кричал. Ты дура, уходи. Ты тут не нужна.

То, что она сказала, шмякнулось в мое стекло. И сползло. Я ушла. Вот зачем нужно было стекло. Под своим стеклом я поняла, что ничего, как раньше, не будет.

* * *

Живу с диагнозом «болезнь Бехтерева» уже несколько месяцев. Мне хорошо. Я пью обезбол два раза в день. Хожу в зал, потому что надо качать мышцы спины. Никаких истерик. Ни одной сраной змеи. Все хорошо. Меня повышают до шеф-редактора. Я привыкаю к боли, иногда мне кажется, что я ее жду, хочу, чтобы она пришла. Когда есть боль, мне не грустно. Когда есть боль, я думаю о хорошем. Ограничения у нас теперь есть, но небольшие: поскольку я не могу долго сидеть на одном месте, мы летим отдыхать не в Японию, а в Италию.

Проходят октябрь и ноябрь. Перед праздниками всегда так много работы. Я сижу в нашем модно-московском офисе, точнее, мы называем его редакцией, пью чай и что-то читаю. Чувствую, как внутри начинает кусаться. Это даже не змея, это просто пасть. Пасть, которой не надо есть, чтобы размножаться. Ей надо просто скрутить все мои органы, разорвать их на тонкие полоски и завязать бантиком. Эта пасть путешествует по всему телу. И поэтому у меня все трясется. Руки, ноги, шея, голова. Мне не больно. Просто каждый кусочек моего тела орет. Орет от ужаса, не боли, орет от отчаяния. Я роняю кружку, книга тонет в чае. Падаю с дивана. Ко мне кто-то бежит. Кажется, я кричу или по крайней мере плачу в голос, но не уверена. Мне вообще не больно.

Несколько дней мы ходим по врачам. Пасть появляется несколько раз в день, поэтому я не приезжаю в офис, коллеги все понимают. Диагноз «болезнь Бехтерева» отменяют, потому что МРТ не та, анализы не те, все не так, динамики нет, мы тут всем институтом ошиблись. Что делать? Ищите дальше. Скорее всего, психиатра ищите. До свидания.

* * *

За три дня до Нового года на меня опятьросло стекло. Я взяла нож и пошла в туалет. Опустила крышку, спустила колготки. Села на крышку. Приставила нож к бедру. Надавила. Провела. Ничего не получилось, слишком медленно и слабо. Надавила сильнее и полоснула. Появилась линия, очень тонкая. Потом через нее стали вылезать капли. Получилась как будто жемчужная нить, только красная, теперь я точно видела, что она красная, стекло треснуло. Сделала еще полоску. И еще. Мне задышалось, завиделось, заслышалось. Я снова была я. На этой планете, в этой квартире, сидела на этом толчке. Огорвала туалетную бумагу и приложила к полоскам.

Поняла, что хочу пописать, теперь это было понять несложно. Подняла крышку, спустила трусы. На трусах появилось красно-коричневое пятно. Я испугалась. Потом все поняла и испугалась еще сильнее. Кому сказать про месячные? Папе? Кажется, папа про такое даже не знает или знает, но молчит. Тетя на работе, бабушка на работе.

Я сунула между ног туалетную бумагу. Натянула трусы и колготки. Пошла на кухню, к шкафчику с маминими штуками вроде косметики. Там были ее прокладки. Нашлись. Пачка разорвана, разорвана маминей рукой. Я заплакала, потом заплакала сильнее, прижала пачку к лицу, села на пол, закричала, хотя скорее запищала, прямо туда, в нежный прокладочный пластик.

Когда наконец опустилось стекло, я перестала. Слезы перестали, тело перестало, вся я — перестала. Под своим стеклом я еще раз поняла. Ничего, как раньше, уже не будет. И мамы больше не будет. Потому что на самом деле мама умерла, просто этого никто не заметил.